

★ ★ ★ ДАНИЛ ★ ★ ★

КОРЕЦКИМ

**ОТДАЛЕННЫЕ
ПОСЛЕДСТВИЯ**

ИРАКСКАЯ САГА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К66

Компьютерный дизайн обложки
Орловой Анастасии

Корецкий, Данил Аркадьевич.
К66 Отдаленные последствия. Иракская сага /
Данил Корецкий. — Москва : Издательство
АСТ, 2016. — 352 с. — (Шпионы и все осталь-
ные. Данил Корецкий).

ISBN 978-5-17-100203-9

Пробный запуск Большого адронного коллайдера закончился аварией, в результате которой взвод морских пехотинцев, занимавшийся поисками оружия массового уничтожения в Ираке, провалился неизвестно куда и оказался рядом с осажденной вражеским войском средневековой крепостью. Морпехов мало, но мощное вооружение дает им немалые преимущества.

«Отдаленные последствия» — роман, насыщенный захватывающими приключениями и мастерски описанными боевыми сценами, характерными для творчества классика отечественного детектива.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-100203-9 © Корецкий Д. А., 2011
© ООО «Издательство АСТ», 2016

Вместо пролога

1) ...Не все Христовы воины стойко и самоотверженно переносили ниспосланные Богом испытания на нелегком пути насаждения Огнем и Мечом Христианской Веры. Рыцарь Томас Арчибальд Йорк дрогнул сердцем в трудный момент похода, продал душу дьяволу и со своим отрядом отделился от основных сил посланцев Креста, погнавшись за мифическими сокровищами Альбагара. С помощью нечистого он собрал большую армию и разорил немало сарацинских городов, чиня грабеж и насилие вместо обращения жителей в истинную Веру. Но избранный Томасом путь вел в преисподнюю, и вскоре вся его армия бесславно и бесследно исчезла...

Из летописи времен Пятого крестового похода

2) ...Вчера в Ираке, под городом Басра, группа террористов напала из засады на походную колонну военнослужащих США. В результате скоротечного боя был сожжен бронетранспортер, и погибли четверо военнослужащих 4-го моторизованного взвода бригады морской пехоты.

...По сообщениям военной разведки вооруженных сил США, в иракском селении Аль-Баар обнаружены металлические бочки, в которых, предположительно, могут находиться боевые отравляющие вещества. Для проверки этого сообщения направлена группа экспертов по оружию массового уничтожения...

Современная хроника войны в Ираке

3) Марбек, марбех (араб.) — буйство стихийных сил, светопреставление, гнев богов, огненный смерч (миф., поэт.)

Глава 1

РЯДОВОЕ ЗАДАНИЕ

Май 2003 года. Ирак.

Походный штаб бригады морской пехоты

— Примите соболезнование, капитан! — скорбным тоном произнес полковник Джордан. — Мне крайне неприятно. Особенно после того, как президент Буш произнес речь о победе в иракской войне... Этот инцидент будет иметь политический резонанс...

Капитан Джон Маккойн молчал и, с высоты ста восьмидесяти пяти сантиметров своего роста, сероголубыми глазами рассматривал бритую голову начальника штаба бригады. Он думал, что дело вовсе не в речи Буша и не в политическом резонансе, а в том, что четыре молодых парня вернутся домой в цинковых ящиках. И особенно неприятно будет тем четверым матросам, которые сопровождают погибших сослуживцев и вынужденно несут огромное горе в их дома...

Молчание капитана было явным нарушением субординации, полковник поднял голову, и их взгляды встретились. Но Маккойн продолжал молчать, только выдвинул квадратную челюсть, как непроизвольно делал в рукопашном бою. От этого его

волевое лицо со шрамом на подбородке не стало мягче и добрее.

— Вы не хотите ничего сказать, капитан? — прищурился начальник штаба. В палатке было душно, и по его лицу катились капельки пота.

— Хочу, сэр. Позволительно спросить, когда я могу получить новый БТР и доукомплектоваться личным составом?

Полковник покачал своей бритой головой:

— Сейчас речь не об этом. Вам ставится задача доставить в Аль-Баар группу экспертов по химическому и атомному оружию. Четыре человека, ученые. Обеспечить их безопасность и оказать необходимое содействие. Вопросы?

— Почему бы не перебросить их вертолетом, сэр? — Квадратная челюсть выдвинулась еще сильнее. — Это гораздо безопасней, чем преодолевать 320 миль¹ по пустынной местности, которую контролируют повстанцы.

— Верно, капитан, — начальник штаба встал из-за походного столика и, разминая короткие ноги, подошел к окну. — Но все вылеты запрещены по метеоусловиям. Поднялся сильный ветер, ожидается песчаная буря. Вот видите!

Он показал на квадрат из прозрачного пластика, за которым пока ярко светило солнце.

— Ваш взвод будет усилен танковым отделением!

Последние слова прозвучали весьма внушительно.

— Одним танком, — конкретизировал Маккойн. Другие офицеры называли его Мако. И сержанты тоже, но за глаза. И в бою.

— Танк «Абрамс» под командованием лейтенанта Палмана. А на месте вас ждет отряд десантников. Думаю, осложнений не возникнет.

¹ Около пятисот пятидесяти километров.

— Я тоже так думаю, сэр! — Челюсть Мако стала на место. В конце концов, это задание нравилось ему куда больше, чем подавление беспорядков в городе. А ведь именно этим предстоит заниматься их бригаде.

— Ну и отлично, — привычно улыбнулся полковник Джордан. — Получите все, что вам нужно для выполнения задания. И помните — эксперты люди штатские, но они связаны с НАТО и ООН, постарайтесь обеспечить им возможный комфорт...

— Комфорт, сэр?!

Губы Маккойна скривились в едва заметной улыбке.

— Ну или, по крайней мере, удобства...

Джордан подошел, выбросил вперед руку и сильно стиснул ладонь капитана. Тот сдержал силу ответного пожатия и вышел из штабной палатки.

Ирак. Привал в Эль-Куфе

— Ну и жара! — сказал Макфлай. Выглядел он, как и положено профессору: среднего роста, грузный — за центнер весом, бейсболка с длинным козырьком, клетчатая красно-сине-зеленая рубашка с засученными рукавами, легкие широкие штаны и растоптанные сандалии на босу ногу. Три его штатских коллеги из группы поиска ОМУ¹ не захотели покидать кондиционированный «Хаммер» и остались на площади. Они вообще держались как-то отстраненно и немного подозрительно.

Макфлай остановился посреди огороженного низкими глинобитными строениями двора, вытер платком шею и улыбнулся хозяину. Сопровождающий его Ахмед вежливо пробормотал «салям алейкум». Староста

¹ ОМУ — оружие массового уничтожения.

искривил губы в ответной улыбке, пытаясь скопировать выражение лица профессора, и даже погладил длинную седую бороду, как бы подчеркивая их общность, хотя узкая щеткообразная бороденка прищельца никак не годилась в качестве общепризнанного на Востоке символа возрастной зрелости и душевной мудрости. Но и с такой ничтожной растительностью, незванный гость являлся частицей вполне реальной военной силы, поэтому ссориться с ним не следовало.

Технику оставили на площади, у колодца. За дувалом царили обычные для облавы шум и суматоха: морские пехотинцы быстро рассредоточивались по узким деревенским улочкам, а айраки в панике разбегались впереди них и прятались по своим хижинам, уверенные, что американцы будут варить из них плов. Морпехи же, всего-навсего хотели убедиться, что в Эль-Куфе нет террористов. Подобные акции проводятся перед привалом в любой иракской деревушке. На фоне средневековых декораций и нищих одежд жителей солдаты казались инопланетными пришельцами.

Хотя слово «солдаты» для морских пехотинцев оскорбительно, но сейчас их экипировка практически не отличалась от снаряжения сухопутных вооруженных сил. Каски, пылезащитные очки с солнечными фильтрами, бронежилеты, винтовки «М-16» наперевес, подсумки, фляги, пистолеты у сержантов и офицеров, ножи или штыки на поясе, бело-желтый, в пятнах неправильной формы камуфляж, высокие ботинки на толстой ребристой подошве, которые поднимали облака сухой выжженной солнцем пыли... Они быстро двигались по узким улочкам, страхуя друг друга, заглядывали в глинобитные домишки, осматривали тесные комнатки, ворошили винтовочными стволами подозрительное тряпье, под которым могло быть оружие.

Но это там, снаружи. А здесь, во владениях старосты, тихо. Жгучий пятак в небе, так не похожий на то, что в родном Массачусетсе ласково зовут «солнышком», наполнял зноем каждый атом пространства. Единственный худосочный островок тени образовывала фигура хозяина, однако лукавый старик каждый раз специально становился так, чтобы не находиться между гостями и солнцем. Правда, скорей всего, это не лукавство, а почтительность. Заслонять солнце или бросать свою тень на гостя — значит, по местным меркам, проявлять неучтивость.

Под ногами с хрустом раскалывались похожие на пепел белесые катышки, происхождение которых Теодор Макфлай, доктор истории и археологии, профессор Массачусетского университета, весьма известный и уважаемый в научных кругах человек, — определить не мог. И это ему даже нравилось, как нравится любая еще неразгаданная загадка тому, кто привык разгадывать. Плоские крыши покрывало нечто, на первый взгляд похожее на хворост, хотя это могли быть и кости животных. По крайней мере — вот два овечьих черепа. А вот явно собачий... Пожалуй, смахивает на жилище первобытного человека. И хозяин — в потертом, неопределенного цвета халате, торчащими из-под него засаленными шароварами и чувяками без задника с узкими, задранными вверх носами, будто выскочил из немыслимой древности, которую привык раскапывать профессор...

За границей двора виднеется огород, утыканный шестами с подвешенными на них сорочьими трупами. Одна сорока, еще живая, время от времени встряхивается на веревке и издает хриплые протяжные звуки, призванные, видимо, уберечь насаждения от посягательства других пернатых.

— Поразительно! Такое впечатление, что время в этом городке остановилось еще в пятнадцатом ве-

ке! — довольно объявил Макфлай. — И не нужно изобретать никакую машину времени, достаточно просто прилететь на самолете...

Старик-хозяин ничего не понял и посмотрел на Ахмеда. Ахмед издал короткий мычащий звук, в переводе с арабского означающий, видно, «угу».

Макфлай подошел к висящему над ведром тусклому медному колоколу, который наверняка был не колоколом, а чем-то другим, более прозаическим и утилитарным. Благоговейно дотронулся до покрытого зеленой окисью бока, уставился на свои испачканные пальцы, вытер их о брюки.

— У моей бабушки под Ворчестером был похожий рукомойник, — сказал он. — Только им никто не пользовался.

Ахмед бегло перевел. Старик-хозяин опять сморщил лицо в улыбке, — то ли издевательской, то ли подобострастной, леший его поймет, — и что-то пролопотал в ответ.

— Карим аль-Басри желает ваш бабушка долгих лет, — перевел Ахмед.

Макфлай усмехнулся. На самом деле кроме долгих лет старый хрен, кажется, присовокупил еще что-то про бабушкиных потомков, которых бабушка, по идее, должна пережить... что-то в этом роде. Макфлай не был уверен, что понял все правильно. Он неплохо знал староарабский — во всяком случае, настолько, насколько необходимо для работы с архивными документами, рукописями и старинными летописями. На научных конференциях узкие специалисты даже разговаривали на языке, давным-давно канувшем в Лету, неплохо понимая друг друга. Читал он вполне прилично и писать худо-бедно мог, благо со времен написания Корана литературный «араби» практически не изменился. А вот современную разговорную речь на слух воспринимал плохо,

да и ленился, честно говоря. С переводчиком он чувствовал себя гораздо комфортнее.

— Моя бабушка умерла в 89-м, — сказал Макфлай. — Это можешь не переводить.

Ахмед все равно перевел. Смерть бабушки Макфлая привела старика в состояние ребячьего восторга. Раздвинув беззубый рот до ушей, он принялся мелко трясти головой.

— Я сказать ему, что ваш бабушка будет рада видеть Карим аль-Басри и его семейство у себя в Ворчестер. Это такой форма вежливости, — пояснил Ахмед. — Если ваша желают здоровья, ваша должен пригласить его в гости.

— А я подумал, он желает всем нам подохнуть, — хохотнул Макфлай.

Ахмед вытаращил на него свои газельи глаза.

— Нет-нет, подохнуть нельзя!

— Вот и хорошо, — Макфлай помотал головой, передразнивая старика, и рассмеялся. — Нет, но как все это сложно! Реликтовые фигуры общения! Единый устав обращения к гостю! Какая прелесть! В Европе уже во времена Реформации в ответ на пожелание здоровья могли послать подальше... А здесь — здесь ничего не меняется со времен Арабского халифата!

— Да-да! — засуетился Ахмед. — Я быть в Европе, видеть это близко. Европа — очень прогрессивный страна. Ирак — страна отсталый, страна дикий традиций.

Макфлаю почудился в его словах скрытый сарказм, ирония... хотя — с какой бы это стати? Школьный учитель из шиитской общины, что в местной табели о рангах означает «лентяй» и «неудачник», мелкий активист проамериканской партии «Зараль», кормящейся из рук ЦРУ и тихо презираемой каждым уважающим себя мусульманином — Ахмед вдобавок ко всему еще подрабатывает переводчиком у

морских пехотинцев, значит, он ничтожество, пес бездомный, изгой. Высокий, худой, с изможденным лицом, и хотя на нем иракский халат и тюрбан, но ботинки американские, с высокой шнуровкой. И, главное, он по-настоящему предан так называемым западным ценностям, более предан, чем многие коллеги и друзья Макфлая, более предан, чем сам Макфлай, — иначе не пошел бы на все эти жертвы.

— Бывать, что река течет быстро, там все меняется-меняется. А в какой-то место, за большой коряга, вода стоит, только слегка кружится, — частил Ахмед. — Но там, где тихий вода, живет самый крупный рыба, хищник.

— Понимаю. У русских говорят: «В тихом омуте черти водятся», — рассеянно кивнул Макфлай. — Я несколько раз бывал в Москве на конференциях.

— Да. Там опасный место. Воду брать нельзя.

— Где, в Москве? — сострил профессор.

— Нет, там где омут...

Профессор не спорил.

— Нельзя-нельзя! — повторил Ахмед.

— И что? — буркнул Макфлай.

Ахмед вздохнул.

— Ничего, — сказал он покорно, словно слуга, который не хочет докучать туповатому хозяину. — Вы говорить, здесь медленный время. Я с вами соглашаться.

— Тогда в какой же век мы с вами попали? — спросил профессор. — Десятый? Двенадцатый? Может, в эпоху Аббасидов? Или Сасанидов?

Ахмед пожал плечами. Из дома вышла укрытая чадрой женщина, сказала что-то хозяину и скрылась. Хозяин, делая суетливые приглашающие жесты, повел гостей в глинобитный сарай, который оказался гостиной, где их ждал обязательный кофе.

— Думать, это все-таки середина-конец тринадцатый век, — неожиданно изрек Ахмед, когда они

уже уселись на ковриках перед низким столиком с ароматно пахнущим кофейником и свежими лепешками. — Время великий монгольский нашествие.

Макфлай сперва не понял, а потом расхохотался.

— Неужели мы так похожи на монголов, Ахмед?

Ахмед робко, по-девичьи, взглянул на Макфлая, на его большое безгубое лицо, будто вдавленное с размаху в мощное основание из жира. Место, где заканчивалась шея и начиналась голова, было обозначено у профессора (видно, специально, чтобы не перепутать) черной щеточкой бороды.

— Нет, не похожи. Не очень, — сказал Ахмед.

Макфлай отхлебнул обжигающий, горький кофе, прищурил глаза и блаженно улыбнулся. Сквозь неплотно прикрытые веки он видел, что хозяин внимательно следит за его реакцией. Потом откусил свежую лепешку и опять изобразил наслаждение. Староста удовлетворенно отвел взгляд. Ритуал был выдержан. Можно было переходить к делу.

— Спроси его, какие древности есть поблизости, — сказал он Ахмеду. — Какие старинные легенды он знает? — И зачем-то пояснил: — Старые сказки часто помогают выбрать места раскопок...

Старик заговорил. Макфлай понял, что никаких достопримечательностей поблизости нет. Потом речь пошла о каком-то чудовище, пожирающем всех подряд. Он вопросительно посмотрел на переводчика.

— Железный Змей прилетел с неба и сожрал целое войско, — начал Ахмед, но тут раздался резкий сигнал штабного «Хаммера».

Почти одновременно со двора послышался топот шагов, и в гостиную вбежал рядовой Прикквистер. У него был вид студента или даже аспиранта, не хватало только круглых очков в стальной оправе. А винтовка в руках явно не подходила к его облику.

— Капитан Маккойн дал команду «по машинам»! — выдохнул он, запыхавшись. — Вроде бы есть связь с десантниками! Взвод отправляется ровно через минуту!

Макфлай беззвучно выругался, положил очередную надкусанную лепешку и встал. Он знал, что капитан Маккойн не мыслит отвлеченными категориями: минута для него — это ровно шестьдесят секунд. С сожалением посмотрел он на полочку с глиняной посудой ручной лепки, изготовленной никак не позже середины прошлого века, на низкий ящик в углу, где по восточной традиции наверняка бережно хранится какая-нибудь прадедовская пицаль времен османского сопротивления с перламутровой инкрустацией на тяжелом прикладе или кремневый пистоль с медным набалдашником на рукоятке... Для него, археолога, любая хижина здесь является островом сокровищ, пещерой чудес, страной Оз, Эльдorado, Лас-Вегасом, всеми борделями Роттердама... О-хо-хо, чем только не является! Только разве объяснишь это им, воякам? Не объяснишь. Легче Ахмеда выучить кембриджскому произношению... Ну и ладно. Остается надеяться, что впереди ожидает множество других пещер.

Бозонель, Франция. Научный центр

Человек может играть в футбол, ничего не зная о законе всемирного тяготения и свойствах скелетных мышц. Может петь, не ведая о частоте колебаний голосовых связок. Может водить машину, не понимая принципов действия двигателя внутреннего сгорания. Может прожить долгую и счастливую жизнь, не задумавшись ни разу о теории относительности и квантовой механике. Человек устроен хорошо. Если

он нормальный человек, хомо сапиенс, большинство населения планеты Земля, ее соль.

Но есть люди, устроенные иначе. Их не так уж и много, всего несколько тысяч. Они разбросаны небольшими горстками по университетским городкам, исследовательским институтам, научным центрам — это своего рода особый этнос, нация физиков-экспериментаторов, физиков-фундаментальщиков, лучших из лучших в своей области знания. Они говорят на разных языках, живут в разных странах, обладают чувством юмора и независимым характером. Да, еще по статистике у них высок процент разводов и бездетных пар. Они не могут прожить долгую и счастливую жизнь хотя бы потому, что окружены загадками, как параноик окружен призраками и чудовищами. Ну да и ладно, дело не в этом.

Похоже, в последние годы у этого рассеянного по всей планете этноса появилась своя столица. Место, куда физики тянутся всей душой, как мусульмане в Мекку, как евреи в Израиль. И многим из них удается туда попасть. Это расположенный в западной части Европы научный центр, однажды прозванный неким злобным околонучным журналистом «Witch Corner» — «Ведьмин Котел». Сокращенно — WC, то есть ватерклозет, или по-простому — уборная. Что только в этом котле (или в уборной) не варилось! Здесь ловили и сортировали нейтрино, создавали антиматерию, здесь в конце XX века изобрели всемирную сеть — Интернет... Каждый из проектов центра вызывал бурю дискуссий, скандалов и даже что-то вроде истерий планетарного масштаба. Что неудивительно, поскольку люди, работающие здесь, мало похожи на обычных хомо сапиенс, и задачи они перед собой ставят самые смелые и — лучше слова не подберешь — фундаментальные.

Ирак. Усиленный взвод на марше

Колонна, подобно гусенице, растянулась на дороге, ведущей на запад. Впереди двигался бронетранспортер «Лейви», за ним, как привязанный, шел штабной «Хаммер», потом грузовик песочного цвета с грязно-серыми разводами камуфляжа, белой армейской звездой на дверцах и брезентовым верхом, потом еще один «Лейви», тупорылая массивная туша топливозаправщика и, наконец, покачивающийся на рытвинах вверх-вниз стопятидесяти миллиметровой пушкой танк «Абрамс». И бронетранспортеры, и огромный джип, и автоцистерна, и танк были, как и грузовик, раскрашены серо-желто-белыми пятнами пустынного камуфляжа, поэтому гусеница хорошо сливалась с местностью.

В передвижном штабе Салливан вел переговоры с конечным пунктом их маршрута:

— «Балтимор» на связи! Как слышите?

— Я «Хьюстон», слышу вас хорошо.

— В десять ноль-ноль прошли отметку 40. У нас без происшествий. Что у вас?

— Тихо пока. Общаемся с местными. Требуем у начальства «ночь победителей»... *(Смех.)*

Короткая пауза. Что хотел сказать незнакомый «Хьюстон»? Напомнить, что победу в Ираке одержала 82-я воздушно-десантная дивизия, а бригаду морской пехоты перебросили уже потом, когда все было кончено, для выполнения полицейских функций — подавления вспыхнувших в Фаллудже волнений? Или он ни на что не намекает, а просто шутит? Радист решил, что лучше выбрать второй вариант объяснения.

— С погодой что? На базе всю авиацию зачехлили, обещают сильную бурю.